

А.И. Цомакион

Александр Иванов

Его жизнь и художественная деятельность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

А11 **А.И. Цомакион**
Александр Иванов: Его жизнь и художественная деятельность / А.И. Цомакион – М.: Книга по Требованию, 2021. – 82 с.

ISBN 978-5-4241-2482-2

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-4241-2482-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.И. Цомакион, 2021

Анна Ивановна Цомакион
Александр Иванов. Его жизнь и
художественная деятельность

*Биографический очерк А. И. Цомаки-
он*

*С портретом А. Иванова, гравиро-
ванным в Лейпциге Геданом*

Глава I

Несколько общих замечаний. – Детство Иванова. – Семья. – Первые работы и первые успехи. – Первая любовь и первая жертва. – Отъезд за границу. – Начало новой жизни.

С. П. Постников. Портрет А. А. Иванова 1846

Жизнь, которую мы собираемся описывать, небогата событиями. В сущности, она включает в себе одно лишь крупное событие, которое заполняет ее целиком; все остальные служат только прелюдией или эпилогом для главного. приходит к убеждению, что родина его далеко отстала в том, что касается его. Рассказать эту жизнь можно в двух словах. Гениальный человек специальности, от своих более счастливых соседей. Огорченный до глубины души своим открытием, он берется восполнить замеченный пробел: «Сего труда ни один человек, кроме меня, кончить не может», – решает он и находит, что способность выполнить трудную задачу налагает на него обязанность сделать это. Двадцать пять лет неустанно работает он над своей задачей, терпя всякие лишения; работает вдали от родины, запершись в своей студии, как монах в одинокой келье, не зная другой отрады, кроме своего труда, другой надежды, кроме надежды его выполнить... Он кончил наконец эту много обещавшую работу, он везет драгоценный подарок своим соотечественникам, заранее радуясь их радости, ожидая себе в награду только их признательность. Но что же это? Его труд – результат почти нечеловеческих усилий – встречают холодно и равнодушно. Почему так? Кто виноват? Виноватых нет. Слишком долго пробыл гениальный человек вдали от родного общества и не знал, как усиленно бился в эти годы пульс последнего, как далеко шагнуло оно вперед, не знал, что у него теперь другие требования и симпатии его обращены в другую сторону. Надобно было явиться раньше со своим подарком; теперь он уже мало кому нужен; значит, напрасен долголетний труд его, значит, и жизнь пошла задаром! Поник головой гениальный человек и тут стал замечать, что крест, который он все время нес бодро и терпеливо, нестерпимо давит ему на плечи... Еще несколько шагов, – он склоняется и умирает под тяжестью непосильной ноши. Тогда общество, поняв, кого оно потеряло, возлагает на гроб гениального человека лавры и пальмы – эмблемы славы и страдания.

Вот в кратких словах вся жизнь Иванова, жизнь гениального труженика, к которому слава пришла слишком поздно. Но кто поймет, сколько величия и трагизма заключается в этой несложной, монотонной жизни, тому имя Александра Иванова станет вдвойне дорого, как имя великого художника и вместе с тем великого страдальца.

В 1818 году поступил в младший класс Императорской Академии художеств новый воспитанник, сразу обративший на себя особое внимание как товарищей, так и преподавателей. Это был чрезвычайно симпатичный двенадцатилетний мальчик небольшого роста, румяный, коренастый, широкоплечий, с прекрасно вьющимися русыми волосами. Голубые глаза ребенка смотрели ласково, сосредоточенно и не по летам серьезно. Звали его Александром Ивановым; одет он был в новенькую изящную курточку и рубашку с большим отложным воротником, широко лежащим на шее и груди. Товарищи, не долго думая, решили, что новичок, должно быть, «из богатых». От их внимательных взглядов не ускольз-

нуло ни изящество его костюма, ни его папка, обладавшая какими-то особыми достоинствами, ни обилие у него карандашей и рисовальной бумаги. Кое-кто из детей уже с завистью стал поглядывать на «счастливчика». Но вскоре оказалось, что «счастливчик» мало того что богат, но еще добр и ласков чрезвычайно, что он всегда готов поделиться с каждым своими богатствами, всегда готов услужить чем может товарищу. Начиравшее зарождаться чувство зависти мало-помалу сменилось симпатией, и не только симпатией, но и особого рода уважением. Какая-то необыкновенная печать достоинства в манере мальчика держаться, его серьезность, трудолюбие и добросовестное отношение к классным занятиям, наконец, похвалы профессоров его прекрасным рисункам с натуры – все это вскоре возвысило его во мнении товарищей. Иванова полюбили все; но особенно близко сошелся скромный, тихий, никогда не принимавший участия ни в каких проделках мальчик с товарищем по классу, Ф.И. Иорданом, впоследствии известным художником и ректором Академии художеств. Зародившаяся на школьной скамье взаимная привязанность Иванова и Иордана развилась затем в самую тесную дружбу, длившуюся вплоть до кончины Иванова.

Сын профессора Академии художеств, всеми любимого и уважаемого, Александр Андреевич Иванов родился в 1806 году в Петербурге, в здании Академии художеств. Мать его до замужества имела фамилию Демерт. Семья состояла из двух дочерей и трех сыновей; из братьев старшим был Александр. Отец его, А. И. Иванов, известный своими работами по религиозной живописи, получил образование в Академии художеств и по присуждении ему золотой медали оставлен был при ней преподавателем. Ранняя женитьба лишала его права на заграничную командировку, что, однако, не помешало ему стать выдающимся художником. Серьезный взгляд А. И. Иванова на искусство, всегда одушевлявшее его стремление идти вперед и совершенствоваться быстро выдвинули его из среды товарищей-профессоров, и вскоре он сделался любимым профессором молодых художников, находивших в нем дельного и талантливого руководителя. Нечего и говорить, насколько интересовался отец Александра Иванова художественным образованием старшего сына; с малых лет подметив в нем недюжинное дарование, он тогда же решил сделать из него художника и стал учить его рисовать, как только мальчик был в состоянии держать карандаш в руке. Направляемый таким прекрасным, таким опытным наставником, талант ребенка с самого начала развивался правильно. До двенадцати лет Александр Иванов учился дома, беря уроки преимущественно у профессоров Академии. При поступлении в Академию он рисовал уже прекрасно для своих лет. Влияние отца на художественное развитие сына сохранялось как в бытность последнего в Академии, так и далеко за ее пределами. Александр Иванов всегда высоко чтит своего отца как художника и глубоко интересовался его мнениями в вопросах искусства. Впоследствии, работая в Риме в качестве пенсионера Общества поощрения художников, сделавшись затем выдающимся живописцем, заслужившим уважение и удивление собратьев-иностранцев, он не переставал посылать отцу подробные отчеты о своих работах, часто прибегая к его советам, и если иной раз и не соглашался с его взглядами и отстаивал свои собственные, самостоятельно выработанные мнения, то всегда относился к указаниям его с глубоким уважением и почтительным вниманием.

Но не только служение одному и тому же искусству, одинаково серьезное и

добросовестное отношение к нему сближало отца с сыном; их соединяла еще самая нежная родственная привязанность и связанная с нею заботливость друг о друге. В сборнике, изданном М. П. Боткиным, мы находим много писем Александра Иванова к отцу, в которых чуть ли не в каждой строке сквозят любовь и заботливость необыкновенные. Всякая невзгода, постигающая старика, нарушает душевное равновесие сына, тяжело отзывается на его занятиях; всякое известие о малейшем нездоровье отца приводит его буквально в отчаяние.

«Я не ошибся, – пишет он из Рима в 1839 году, – я предчувствовал, что письмо Ваше будем иметь что-нибудь неприятное. Отказ президента выставить Ваши картины сильно на Вас действует, а Ваше положение сильно меня трогает... Я, впрочем, всегда думал, – говорит он дальше, – что Вам никак не должно было входить в конкурс демидовский (вовсе не нравящийся президенту), а особенно с сюжетом аллегорическим... Но сын Ваш Александр, преданный и возможно верный Ваш советник, не мог Вас в том убедить, – видно, так судьбе было угодно».

В 1842 году отец Иванова опасно заболел. Получив после долгого томления в неизвестности письмо, в котором отец сообщал ему о своем выздоровлении, Иванов писал следующее:

«Ожидая Ваше письмо каждый почтовый день, я уже приготовился к самой убийственной новости, крепился, молился, рассеивался... Не могу вспомнить, что мог бы лишиться Вас! Это было бы для меня совершенным уничтожением и меня, и моих успехов. Что толку, если я кончу картину и, приехав с нею, не встретил бы Вас? Тогда не было бы мне никакой награды, ни радости...»

Далее в письме, помеченном февралем 1843 года, мы читаем:

«Для меня одна награда существует: кончив мою картину, встретить Вас здоровым, бравым. Молю Бога, чтобы этого меня не лишил, а к Вам припадаю на колених и прошу беречь Ваше здоровье. Простите меня, если я когда-либо Вас чем-нибудь обидел. Я более к Вам привязан, чем Вы можете себе вообразить. Успехи мои в искусстве имеют одну цель – со временем доставить Вам радость еще на земле».

Получив в подарок два портрета отца, Иванов писал:

«Наконец эти подарки, самые превосходные для моего сердца, я поставил на столик в моей спальне – глядеть и быть с ними при каждом начале дня и отходе ко сну».

Глубокое родственное чувство связывало и остальных членов семьи Ивановых. Весь строй семьи был проникнут крайней патриархальностью с ее обычным чинопочтанием, с чрезвычайной почтительностью младших членов по отношению к старшим, крепко державшимся за свое право на особое уважение более молодых. Но как ни любил Александр Иванов своих кровных, требовательность их, так называемый деспотизм любви приносили ему иногда и большие огорчения. В письмах его сквозят иной раз нотки, позволяющие думать, что претензии родных подчас тяготили даже такого преданного сына и брата, каким он оказывался во всех случаях жизни. Однажды, например, забыв приписать к одному из пятидесяти по крайней мере писем, как сам он жалуется, несколько строк, специально обращенных к матери, он получил такой выговор от последней, что пришел буквально в отчаяние. Не менее требовательной была и старшая сестра. Из всей семьи особенной любовью и чисто отеческой заботливостью Александра

Иванова пользовался младший брат его, Сергей, впоследствии необыкновенно талантливый художник-архитектор. Об отношениях обоих братьев мы скажем в свое время.

Другой чертой, отличавшей семью Иванова и оставившей глубокий след в душе художника, была чрезвычайная религиозность. Эта черта, тщательно развиваемая и воспитываемая в ребенке с самого раннего детства, проникла во внутренний мир его так глубоко и прочно, что никакие противоположные влияния не в состоянии были окончательно изгладить ее впоследствии. Иванов оставался верен своей религиозности всю жизнь, даже и в то время, когда думал сам, что безвозвратно потерял ее, когда был твердо убежден, что жизнь с ее бурями и разочарованиями, с бесконечным рядом постоянно назревающих жгучих вопросов и задач вырвала с корнем из души его те первые наивные верования, в которых он воспитывался. Ум художника неустанно работал в поисках за истиной, уносил его все дальше от прежних понятий, но в глубине его души, в сокровенных ее тайниках жила все та же вера и незаметно направляла его действия.

Быстрые успехи молодого Иванова в Академии приводили в изумление его профессоров. Не ведая еще, с каким крупным талантом имеют дело, невольно склонялись они к подозрению, что ученик их работает не вполне самостоятельно, что добрую долю его успехов следует, может быть, приписать участию его отца в его работах. Но отец смотрел на занятия сына и на искусство вообще настолько серьезно, сын был настолько добросовестным, что ничего подобного не могло случиться с Ивановым. Его товарищи, люди близко к нему стоящие, хорошо знали, что Александр Иванов работал всегда сам. Тем не менее подозрения профессоров, часто высказываемые без достаточной деликатности, глубоко задевали молодого художника. Не раз горько жаловался он, что никакие старания, никакие успехи не могут избавить его от ненавистных слов «не сам», всегда его преследующих. Не менее самого Александра Иванова огорчался и его отец, говоривший, что сыну его все дается с бою.

Иванов А.А. Жених, Campragnuolo, выбирающий кольцо для невесты 1839

Но что значили эти маленькие невзгоды в жизни юноши в сравнении с остальными, на редкость счастливыми условиями его детства и первой молодости? Повседневная жизнь доставляет нам множество примеров, когда талант, задавленный в самом зачатке силой неблагоприятных обстоятельств, гложет, не успев расцвести, или истощает последние силы на борьбу с тяжелыми условиями жизни. Как далеки от этого были условия, в которых рос и воспитывался Александр Иванов! В свои юношеские годы он не только казался, но и на самом деле был баловнем судьбы. С одной стороны, наличие громадного таланта, с другой, — то, что необходимо для успешного его развития: семья, любовно следящая за успехами даровитого юноши, отец, образованный художник, дельный и внимательный наставник, постоянно окружавшее его общество художников, создавшее вокруг атмосферу, так сказать, насыщенную интересами искусства, сравнительно достаточные средства, — все, казалось, обеспечивало ему блестящее будущее, предвещало завидную карьеру и — можно было думать — счастье. Но принес ли Иванову счастье его громадный талант, добился ли он тех результатов, которых жаждал всю жизнь, — об этом знали при жизни его близкие, а после смерти узнало и все русское общество, для которого он столько лет с такой любовью и самоотвержением готовил свое «новое слово». Но не будем забегать

вперед.

Особенно отличался молодой Иванов в рисовании с натуры; в этой области он поражал всех своими успехами. Вскоре по поступлении в Академию он получил уже две медали за рисунок. Восемнадцати лет юноша претендовал на вторую золотую медаль картиной «Приам испрашивает у Ахиллеса тело Гектора». Выставленная в Академии, картина эта понравилась всем своим рисунком, колоритом и обдуманностью. Участвуя в конкурсе на первую золотую медаль, Иванов написал картину «Иосиф, толкующий сны заключенным с ним в темнице виночерпию и хлебодару»; медаль досталась ему. На выставке 1827 года работа эта обратила на себя особое внимание. Ее очень хвалила критика того времени. «Вам уже известно, с каким восторгом была принята моя картина „Иосиф в темнице“, — пишет Иванов своему другу. — Тогда все согласны были, что она заслуживает более чем золотую медаль первого достоинства, что даже я сделал более чем Карл Брюллов (хотя никогда бы я не хотел состязаться с этим Геркулесом)», — прибавляет он со своей обычной скромностью.

Кроме этих конкурсных работ, желая усовершенствовать себя в рисунке, Иванов в бытность свою в Академии нарисовал с античных статуй несколько картонов в натуральную величину: до «Иосифа» он нарисовал «Лаокоона», которого выставил вместе с конкурсной работой в залах Академии; после «Иосифа» были нарисованы «Боец» и «Венера Медицейская». Впоследствии все эти рисунки были подарены московскому рисовальному классу.

Получение первой золотой медали имело громадное значение в жизни Иванова. Общество поощрения художников решило послать талантливого юношу на свой счет за границу для совершенствования в живописи. Но согласно требованию Общества Иванов должен был до отъезда своего написать еще одну картину на заданную тему. Распоряжение это было вызвано укоренившимся недоверием к самостоятельности художника и возникшим подозрением, не помогал ли ему отец в выполнении конкурсной работы. Задан был сюжет из мифологии: Беллерофонт отправляется в поход против Химеры. Все ждали, что молодой художник поспешит приняться за работу, чтобы насколько возможно ускорить свою командировку; но вопреки всем ожиданиям он мялся и медлил начинать картину. Причина такой нерешительности вскоре выяснилась. В здании Академии жил в это время со своим семейством музыкант, старик Гюльпен, обучавший музыке воспитанников Академии. В его молоденькую дочь влюбился Александр Иванов со всем пылом первой юношеской привязанности и серьезно мечтал о женитьбе. Но не вязались мечты эти с предполагавшейся поездкой: согласно правилам, существовавшим в Академии, женатые воспитанники не посылались за границу, и, следовательно, женившись, Иванов терял право на командировку. Приходилось выбирать между любимой девушкой и давно намеченной карьерой. Сердце юноши склонялось в пользу девушки. Как ни любил Иванов свое искусство, он готов был сложить к ногам своей возлюбленной свои мечты о служении последнему, свою карьеру художника, свои надежды на блестящее будущее... Он серьезно собирался отказаться навсегда от пенсiona, назначенного Обществом, и вместе с ним от возможности побывать за границей. Но не так относились к этому вопросу друзья Александра Иванова, уже успевшие оценить его как художника и понимавшие, какой колоссальный талант может заглухнуть. Отец его, лишившийся в молодости права командировки за границу вследствие женитьбы